

М. Линд

**Царь Василий Иванович
Шуйский**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Линд**
Царь Василий Иванович Шуйский / М. Линд – М.: Книга по Требованию,
2016. – 64 с.

ISBN 978-5-458-07788-0

ISBN 978-5-458-07788-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

держалъ невозбранно наши обычаи, чтобъ сіяль добродѣтелями, подобающими для престола, былъ бы опытенъ и не юнъ, поставлялъ бы царское величіе не въ роскоши и не въ пышности, а въ правдѣ и воздержаніи, не казну бы свою умножалъ, а берегъ бы людское достояніе наравнѣ съ казеннымъ или собственнымъ царскимъ. «Вы, можетъ быть, скажете, что такого человѣка не найти намъ, но добрый земскій человѣкъ долженъ хотѣть наилучшаго государя, чтобъ онъ, по крайности, казался такимъ для своихъ подвластныхъ».

На это изъ толпы приверженцевъ Шуйскаго стали раздаваться возгласы, что есть только одинъ человѣкъ, отвѣчающій всѣмъ этимъ требованіямъ, а именно—князь Василій Шуйскій. И, дѣйствительно, перечисляя въ своей рѣчи достоинства, необходимыя для будущаго царя Московскаго, Шуйскій перечислялъ свои качества. Шуйскій былъ человѣкъ не молодой,—ему въ то время было слишкомъ 50 лѣтъ, слылъ за человѣка благочестиваго и происходилъ отъ Александра Невскаго,—словомъ, отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ, предъявленнымъ къ новому царю. Шуйскій, какъ водится, отказывался нѣсколько разъ отъ этой чести, а потомъ согласился. Зазвонили въ колокола, чтобы народъ собрался на площади, народа сбѣжалось много, но площадь у Лобнаго мѣста преимущественно заняли сторонники Шуйскаго. Стали говорить о томъ, что надо избрать новаго патріарха, такъ какъ патріархъ Игнатій служилъ и потакалъ растригѣ. Но раз-

говоры о выборѣ патріарха были лишь удобнымъ приступомъ къ выбору царя. Изъ толпы народа раздались голоса, что, прежде, чѣмъ избирать патріарха, надо выбрать царя и предложили разослать грамоты по всѣмъ городамъ, чтобы съѣзжался народъ для избранія новаго царя. «Къ чему ждать выборныхъ людей?» — закричали другіе, — «благородный князь Василій Ивановичъ Шуйскій избавилъ насъ, при Божьей помощи, отъ прелести вражьей и отъ власти богопроклятаго еретика, растриги. Пусть онъ будетъ царемъ нашимъ! Онъ — отрасль благороднаго корени русскаго, родъ его отъ Александра Невскаго! Да вручится ему царство Россійскаго скипетродержавія!» Тогда стали кричать изъ толпы, что они желаютъ имѣть своимъ царемъ Шуйскаго.

Такимъ образомъ Шуйскій былъ возведенъ на престолъ безъ участія Земскаго Собора, кучкой бояръ и преданной ему толпой москвичей, которыхъ онъ поднялъ противъ самозванца и поляковъ. Съ Лобнаго мѣста толпа вмѣстѣ съ новоизбраннымъ царемъ направилась въ церковь, и тамъ князь Шуйскій обратился съ рѣчью, въ которой обязывался не помнить обидъ, нанесенныхъ ему въ прежнее время, и не мстить за нихъ, не судить никого и не наказывать безъ боярскаго приговора. Это было заранѣе условлено боярами, которые стремились ограничить самодержавную власть государя. Изъ толпы раздались голоса, что никогда еще такихъ порядковъ не видано въ Россіи, чтобы ограничива-

лась власть государя. Быть можетъ, такія рѣчи и были пріятны Шуйскому, но онъ былъ всецѣло боярскимъ твореніемъ, и отступись отъ него боярская партія — онъ былъ бы безпомощенъ. Тотчасъ, послѣ присяги бояръ, была разослана по всѣмъ областямъ грамота, извѣщавшая о водареніи Шуйскаго. Въ этой грамотѣ излагались условія ограниченія его власти. Условія эти заключались въ томъ, что царь обѣщалъ никого не казнить и не наказывать, не посовѣтовавшись съ боярами, не распространять опалы, наложенной на преступника, и на его родственниковъ и близкихъ и не отнимать въ казну ихъ имущества, доносовъ не слушать, ложныхъ доносчиковъ наказывать, всѣ дѣла рѣшать по суду и слѣдствію. Всѣ эти ограниченія направлены были лишь къ огражденію личности подданныхъ и не касались основъ государственнаго порядка. Власть ограничивалась Совѣтомъ бояръ, но въ сущности это не измѣняло прежняго положенія, такъ какъ царь и прежде правилъ при содѣйствіи этого Совѣта. Боярамъ ничего и не было нужно, кромѣ обезпеченія своей личности отъ преслѣдованія и произвола власти, отъ которой имъ приходилось много разъ терпѣть въ царствованіе Грознаго и Бориса. Одновременно съ этой грамотой была разослана другая, отъ имени бояръ, приблизительно такого же содержанія и въ которой они увѣряли народъ, что они всѣ, дѣйствительно, били челомъ Василию Ивановичу, прося его стать во главѣ Московскаго государства. На другой день, кромѣ этихъ двухъ гра-

моть, была разослана третья, отъ имени Марѣы, вдовы Іоанна IV, матери царевича Дмитрія. Она извѣщала, что убитый Дмитрій—не сынъ ея, а богоотступникъ, еретикъ Гришка-растрига. А что ея сынъ, Дмитрій Ивановичъ, убитъ въ Угличѣ передъ нею и ея братьями, и что это извѣстно боярамъ и дворянамъ. Далѣе въ грамотѣ рассказывалось отъ имени Марѣы, что она видѣлась съ самозванцемъ наединѣ и что онъ угрозами заставилъ ее признать его своимъ сыномъ предъ боярами и народомъ. Въ заключеніе вдовствующая царица возвѣщала, что, послѣ достойной казни вора-растриги, князь Василій Ивановичъ Шуйскій принялъ престолъ выборомъ всего Московскаго государства, и что она, царица, вмѣстѣ съ другими бьетъ ему челомъ о принятіи царства.

Эта грамота должна была произвести на читателей ея довольно странное дѣйствіе, ввиду того, что въ ней безъ стѣсненія говорились, несомнѣнно, лживыя вещи: во-первыхъ, весь народъ зналъ, что Марѣа видѣлась и говорила съ самозванцемъ не наединѣ, а что чуть ли не вся Москва выходила смотрѣть на трогательную сцену свиданія матери съ сыномъ; во-вторыхъ, самозванецъ никакъ не могъ угрожать царицѣ, а, скорѣе, наоборотъ, она—ему, такъ какъ одного слова ея было бы довольно, чтобы уничтожить все обольщеніе и погубить его. И, наконецъ, самъ Шуйскій трижды мѣнялъ свои показанія, такъ какъ при Борисѣ говорилъ, что царевичъ Дмитрій самъ наложилъ на себя руки, потомъ,

при вступленіи на престоль самозванца, призналъ его настоящимъ царевичемъ, говоря, что убитъ былъ не царевичъ, а поповъ сынъ, и, наконецъ, теперь отрекся отъ своихъ прежнихъ показаній, говоря, что царевичъ былъ, дѣйстви-тельно, убитъ по приказанію Бориса. Послѣ разсылки этихъ трехъ грамотъ были отправлены послы въ Угличъ для перенесенія мощей царевича Дмитрія въ Москву.

1 іюня 1606 года Шуйскій вѣнчался на царство. Шуйскій былъ старикъ, маленькаго роста, очень некрасивый, съ подслѣповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любилъ только тѣхъ, которые шептали ему въ уши доносы, и сильно вѣрилъ чародѣйству. Царь спѣшилъ совершить обрядъ вѣнчанія, такъ какъ это укрѣпляло его въ царскомъ достоинствѣ.

Подлѣ царя немедленно явилось другое лицо — патриархъ казанскій Гермогенъ. Гермогенъ былъ извѣстенъ своимъ сопротивленіемъ самозванцу и его неправославнымъ поступкамъ; онъ сильно противился женитьбѣ его на Маринѣ Мнишекъ и требовалъ, чтобы послѣдняя прежде приняла православную вѣру. Гермогенъ отличался суровымъ и твердымъ характеромъ, былъ человѣкомъ, готовымъ твердо стоять за вѣренное ему дѣло, но, по показаніямъ современниковъ, строгость его была доведена до крайности, часто переходя въ жестокость. Кромѣ того, онъ имѣлъ общій недостатокъ съ Шуйскимъ, а именно — имѣлъ обыкновеніе слушать доносы и навѣты,

и, плохо отличая истину отъ клеветы, вѣрилъ всему. Слабостью этой воспользовались нѣкоторые бояре и, наговоривъ патриарху на царя, успѣли ихъ поссорить. Несомнѣнно, что для Шуйскаго была не безопасна вражда такого человека, какъ Гермогенъ, тѣмъ болѣе, что положеніе царя было не особенно твердо. Клятва, данная Шуйскимъ при вступленіи на престолъ, какъ-никакъ, ограничивала его власть, такъ что многіе говорили, что у боярѣ болѣе власти, чѣмъ у царя. Нѣкоторые изъ боярѣ, оставшіеся вѣрными Лжедмитрію и не участвовавшіе въ его сверженіи, были, несмотря на обѣщаніе, сосланы въ отдаленныя мѣста. Такъ были сосланы: князь Рубецъ-Мосальскій, бояре: Салтыковъ, Власевъ, Богданъ Бѣльскій и другіе. Нѣкоторые изъ нихъ были поставлены воеводами въ отдаленныя области и, такимъ образомъ, недовольство царемъ распространялось по городамъ благодаря этимъ людямъ, озлобленнымъ и готовымъ при малѣйшемъ поводѣ примкнуть къ возстанію противъ ненавистной имъ власти. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ изъ могущественныхъ боярѣ, имѣвшихъ виды на престолъ, или изъ людей, просто недовольныхъ Шуйскимъ, не могъ прямо отважиться на сверженіе Шуйскаго. Никто изъ нихъ не могъ представить такихъ правъ на престолъ, которыхъ бы не было у Шуйскаго, и потому для нихъ необходимо было какое-нибудь такое лицо, чтобы именемъ его можно было свергнуть Шуйскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточно сильное, чтобы препятство-

вать цѣлямъ бояръ. Такимъ лицомъ могъ быть новый самозванецъ, и слухи о Дмитріи не замедлили появиться въ Москвѣ. Дѣло въ томъ, что, когда Шуйскій и его приверженцы были заняты истребленіемъ поляковъ и сторонниковъ Лжедмитрія, изъ Москвы успѣлъ скрыться нѣкій Михайла Молчановъ, одинъ изъ участниковъ убійства Θεодора Годунова. Молчановъ, въ сопровожденіи двухъ поляковъ, направился въ Польшу и на пути выдавалъ себя за царя Дмитрія, будто бы успѣвшаго скрыться изъ Москвы.

Слухъ этотъ скоро достигъ до Москвы, и здѣсь многіе повѣрили ему, такъ какъ не всѣ москвичи принимали участіе въ убійствѣ Дмитрія, а лишь небольшая часть бывшихъ приверженцевъ Шуйскаго. Нашлись люди, которые говорили, что трупъ, лежавшій на Красной площади, вовсе не былъ тѣломъ Дмитрія: и, дѣйствительно, онъ былъ настолько обезображенъ, что не было возможности различить лица.

Итакъ, слухи росли все больше и больше, въ особенности же въ другихъ городахъ, которые имѣли еще болѣе основанія вѣрить спасенію Дмитрія, чѣмъ москвичи,—изъ послѣднихъ все же многіе присутствовали при его гибели. Шуйскій видѣлъ, что слухи эти настолько окрѣпли и разрослись, что ему уже невозможно разувѣрить народъ. Ему оставалось лишь одно, а именно—вооружиться противъ правъ перваго Дмитрія.

Какъ нельзя болѣе кстати было для этого перенесеніе мощей царевича Дмитрія изъ Углича. Царь, въ сопровожденіи почти всего духовен-

ства, бояръ и думскихъ людей, вышелъ имъ навстрѣчу за каменный городъ. Рядомъ съ нимъ шла инокиня Марѳа, своимъ присутствіемъ какъ бы подтверждавшая дѣйствительность мощей и вмѣстѣ съ тѣмъ ложность перваго самозванца. Тѣло было отнесено въ Архангельскій соборъ, гдѣ и должно было остаться на будущія времена. Послѣ этого по городамъ были разосланы грамоты съ извѣщеніемъ объ этомъ событіи, съ перечисленіемъ злодѣйствъ Лжедмитрія и съ показаніями нѣкоторыхъ лицъ, доказывающихъ его самозванство. Но грамоты эти не имѣли желаемого успѣха, да оно и понятно, такъ какъ въ то время, какъ въ Москвѣ, Угличѣ и другихъ городахъ прославлялась святость невинно-убитаго младенца Дмитрія, на престолѣ сидѣлъ челоуѣкъ, который при царѣ Ѳеодорѣ объявилъ, что царевичъ самъ себя закололъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Среди высланныхъ бояръ былъ высланъ въ Путивль воеводою князь Григорій Петровичъ Шаховской; но ссылка эта была на руку Шаховскому, который, по прибытіи своемъ въ Путивль, собралъ жителей и объявилъ имъ, что царь Дмитрій живъ и скрылся отъ враговъ. Путивльцы немедленно возстали противъ Шуйскаго, къ нимъ быстро стали примыкать другіе ближайшіе города. Въ Черниговѣ воеводою былъ князь Телятевскій, который, при вступленіи на престолъ Дмитрія, былъ однимъ изъ самыхъ упорныхъ противниковъ его, но, разъ присягнувъ ему, сдѣлался его приверженцемъ, и теперь съ полной готовностью возсталъ противъ Шуйскаго.

Слухи настолько окрѣпли, что волненія начались и въ Москвѣ. Здѣсь открыто не произносили еще имени Дмитрія, но всѣми способами старались возбудить толпу по другому поводу: на домахъ иностранцевъ написали, что эти дома отдаются за измѣну ихъ владѣльцевъ на разграбленіе народу царемъ. Собралась большая толпа, которую на этотъ разъ удалось разогнать. Въ другой разъ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, распустили слухъ, что царь будетъ говорить съ народомъ. Собралась громадная толпа москвичей и встрѣтила царя въ то время, какъ онъ шелъ изъ дворца къ обѣднѣ. Царь услышалъ за кремлевскими стѣнами знакомый ему гулъ волнующейся толпы; онъ понялъ, что толпа волнуется не сама по себѣ, а подстрекаемая кѣмъ-нибудь изъ бояръ. Обернувшись къ окружавшимъ его думнымъ людямъ, онъ спросилъ: «Что это, кто изъ васъ волнуется народъ?» Бояре отвѣтили, что они не знаютъ, кто созываетъ народъ именемъ царскимъ. Шуйскій остановился и, почти плача отъ досады, началъ говорить окружавшимъ его боярямъ, что лишнее выдумывать козни, такъ какъ, если онъ имъ не нравится, то онъ добровольно готовъ уйти, что бояре его избрали царемъ, они же вольны и смѣстить его. Потомъ, отдавъ царскій посохъ и снявъ шапку, сказалъ: «Возьмите и выбирайте кого хотите», — но тотчасъ же, не дожидаясь отвѣта, взялъ ихъ обратно. Видя, что всѣ молчатъ, Шуйскій подумалъ, что большинство за него, и что онъ уже достаточно пострашалъ ихъ, и сказалъ: «Если

такъ, если вы, дѣйствительно, считаете меня своимъ царемъ, то я требую казни виновныхъ». Бояре на этотъ разъ рѣшили увѣрить его въ своей преданности. Изъ толпы были схвачены 5 человекъ, признанныхъ виновными; ихъ высѣкли кнутомъ и сослали; народъ же уговорили разойтись.

Такимъ образомъ, въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, народъ успокоился. Но не то было въ Сѣверской землѣ, теперешней Черниговской и отчасти Орловской губерніяхъ. Возстаніе приняло тамъ угрожающіе размѣры. Къ Путивлю присоединились Моравскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Ливны, Кромы, Бѣлгородъ, Осколь, Елецъ; въ особенности же имѣлъ значеніе Елецъ, такъ какъ въ послѣдніе дни царствованія Дмитрія здѣсь былъ назначенъ сборъ войскъ, которыя должны были идти на татаръ. Шаховскому было нужно такое лицо, которое согласилось бы назвать себя царемъ; самозванецъ былъ необходимъ ему во что бы то ни стало; между тѣмъ, Молчановъ самъ не хотѣлъ разыгрывать роль самозванца и въ данное время никакъ не могъ найти подходящее лицо. Но дальше ждать было нельзя—надо было поддержать возстаніе, давъ ему смѣлаго и способнаго вождя.

Такимъ вождемъ явился Болотниковъ. Болотниковъ раньше, судя по разсказамъ, былъ холопомъ князя Телятевскаго; въ молодости былъ взятъ въ плѣнъ татарами, затѣмъ проданъ ими въ Турцію, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ, послѣ